

РЕЦЕНЗИИ

DOI 10.17223/2312461X/7/7

Kai Donner: Linguist, ethnographer, photographer. Donner Joakim & Juha Janhunen (eds.), Peter Sandberg (photo ed.). Helsinki: Société Finno-Ougrienne, National Board of Antiquities, 2014. 175 p. (Travaux ethnographiques de la Société Finno-Ougrienne 21)
(Функ Д.А.)*

Kai Donner
Linguist,
ethnographer,
photographer

EDITED BY
Joakim Donner
& Juha Janhunen

SOCIÉTÉ FINNO-OUGRIENNE
NATIONAL BOARD OF ANTIQUITIES

В ряду ярчайших имен финских исследователей культур и языков народов Сибири и Монголии первой трети XX в. – Кустaa Фредрика Карьялайнена, Артуру Каннисто, Ууно Таави Сирелиуса, Густафа Джона Рамстедта, Тойво Лехтисало – с полным правом находится и имя Кая (Карла) Рейнхольда Доннера (1888–1935). Лингвист и этнограф, путешественник и писатель, активист национального движения, Доннер собрал уникальные полевые материалы, ценность которых со временем лишь увеличивается, всякий раз позволяя открывать все новые и новые грани таланта этого выдающегося исследователя Сибири.

Коллективная монография «Кай Доннер. Лингвист, этнограф, фотограф», подготовленная одним из сыновей Кая Доннера, Йоакимом Доннером, и лингвистом Юхой Янхуненом в сотрудничестве с фотографом Петером Сандбергом, была приурочена к работе большой выставки фотографий Доннера «Adventures in Siberia», проходившей с 10 октября 2014 г. по 1 февраля 2015 г. в Национальном музее Финляндии в Хельсинки. Книга состоит из краткого предисловия, шести очерков и нескольких весьма информативных приложений. Особую цен-

* Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ № 14.В25.31.0009).

ность этой работе придает обилие – более 130 – прекрасно реставрированных фотографий из наследия Доннера, в значительной части впервые вводимых в научный оборот.

Авторы книги детально рассказывают о жизни и творчестве Кая Доннера (первые два очерка Юхи Янхунена, р. 11–33 и Йоакима Доннера, р. 35–49). Биография молодого Доннера просто пропитана встречами с людьми, которые сами были как минимум не чужды лингвистике и этнографии: это и вся атмосфера в семье, во многом определявшаяся интересами отца, знаменитого финского лингвиста Отто Доннера, и, скажем, встреча в Кембридже летом 1911 г. с вдовой сэра Джеймса Джорджа Фрейзера, благодаря которой он получил в свое распоряжение фонограф Эдисона с 60 цилиндрами для аудиозаписи – то, что позволило ему максимально адекватно делать лингвистические записи в Сибири. Учеба у Хейкки Паасонена и Г.Д. Рамстедта, изучение практической философии у знаменитого Эдварда Вестермарка, семестр учебы в Будапеште у Арминиуса Вамбери и Йозефа Синьей, общение в Кембридже и Лондоне с психологом и антропологом Чарльзом Майерсом¹, с антропологами Альфредом Хаддоном, Брониславом Малиновским, Чарльзом Селигманом, все это также знаковые, по-своему судьбоносные встречи. Кай Доннер тщательно готовился к своей первой сибирской экспедиции. Это отчетливо видно, например, в том, как он провел два летних месяца накануне отъезда: юный Доннер учился работать ассистентом хирурга и принимать роды, что, кстати, как писал он сам, пригодились ему в дальнейшем.

Первая поездка Кая Доннера в Сибирь проходила с 29 августа 1911 г. по 23 июня 1913 г., т.е. длилась почти 22 месяца, вторая – с 21 июня по 16 октября 1914 г., чуть менее четырех месяцев. Столь длительный полевой период позволяет предполагать наличие обширных полевых материалов и фундаментальных научных исследований. Для многих Кай Доннер известен как сибиревед лишь благодаря своей книге путешествий «У самоедов в Сибири», изданной в 1915 г. на финском и шведском языках и в 1926 г. в переводе на немецкий². Специалисты по языкам и культурам народов Севера знают его также по нескольким собственно академическим публикациям, главным образом статьям о происхождении и языке кетов, о самодийском эпосе, самодийско-тюркских контактах, об оленеводстве у хантов и манси и в целом об истории оленеводства, о тюркской рунике. Число научных публикаций было не столь уж малым, но все же основной объем разноплановых собственно лингвистических и этнографических материалов, к сожалению, в большей своей части так и остался необработанным и неизданным при жизни Доннера. Авторы следующих очерков рассказывают об этих материалах и их научной значимости.

Ярмо Алатало представил читателям профессиональный обзор лингвистических материалов Доннера (р. 51–73). Кай Доннер работал в общей сложности с двенадцатью различными языками, но наиболее значимыми и обширными являются три его коллекции. Безусловное лидерство принадлежит селькупским материалам. На р. Тым Доннер записал порядка 20 тыс. слов, из которых около 900 составляет лексика, зафиксированная у селькупизированных хантов. Фольклорные тексты на селькупском языке в основном остаются неизданными; среди них есть несколько записей из цикла о богатыре Ича, о сотворении мира, происхождении медведя, богатырские сказания (по мнению автора очерка, с явным татарским влиянием), есть также заимствования из русского фольклора (р. 54–60). Обширные записи были сделаны от носителей кетского диалекта селькупского языка, причем записи эти Доннер делал от двух сопровождавших его шаманов, Алексея Арбалдаева и Николая Ласкова, что придает этим материалам особую ценность (р. 62).

Существенно меньшей по объему, чем селькупская, но ничуть не меньшей по научной ценности является коллекция записей у камасинцев. Алатало отмечает, что Доннер, по-видимому, довольствовался повторением грамматики камасинского языка, составленной ранее Кастреном (его парадигмы содержат те же пропуски форм, что и у Кастрена), но вместе с тем, в отличие от своего великого предшественника, Доннер не ограничился записью слов, а фиксировал тексты на этом языке: в общей сложности их объем составляет около 2 700 слов (р. 69).

Довольно объемными являются также кетские материалы Доннера (это записи образцов языка кетов и югов). Хотя эти записи в целом несистематичны и содержат много ошибок, транскрипция Доннера, существенно превосходящая по качеству все иные попытки фиксации языка енисейцев, а также сам факт работы с носителями ныне исчезнувшего югского языка, делают эти материалы особо значимыми для современных исследователей (р. 73). Все остальные записи можно отнести к числу случайных. Особенностью коллекций лингвистических материалов Доннера, отличающей их от записей как ранних, так и более поздних поколений исследователей, является детальная фонетическая транскрипция, перенятая им от К.Ф. Карьялайнена (р. 51), что высоко ценится и многими современными исследователями. К сожалению, и это отмечается в очерке Алатало, несвоевременное издание полевых материалов вполне естественно приводит к утере части из них. Так произошло, в частности, с камасинскими лексическими записями Доннера: первичные полевые материалы считаются утерянными, а посмертное издание камасинских сборов Доннера, предпринятое Аулиусом Йоки в 1944 г., было основано на вторичных рукописях Кая Доннера, со множеством ошибок в интерпретациях и написании (р. 70).

Два последующих очерка, написанные Юхой Пентикяйненом и Ильдико Лехтинен, показывают Доннера как исследователя аборигенных северных культур. Каждый очерк содержит массу важных деталей, помогающих нам понять, как именно и почему именно так Доннер собирал полевой материал и где искать корни использовавшихся им научных подходов. Впрочем, поскольку книга в целом адресована максимально широкой читательской аудитории (она не отягощает читателя ссылками на научную литературу), в ней порой встречаются достаточно спорные, хотя, соглашусь, аттрактивные высказывания. Так, в очерке Ю. Пентикяйнена «Шаманы и духи. Кай Доннер и северная этнография» (р. 75–101) без аргументации остался тезис о том, что все пожилые женщины в Сибири, исполняющие сейчас плачи / причитания в разного рода обрядах расставания (*departing ceremonies*) и в шаманских ритуалах, являются эпическими сказителями («All of them are oral epical singers of their peoples», р. 94). То, что известно, скажем, о сохраняющейся до сих пор телеутской традиции причитаний (*сыгыт*) – а в этой традиции эпическое сказительство исчезло более 30 лет тому назад (см. Функ 2002; 2005), – безусловно, не вписывается в процитированное выше обобщение. Достаточно спорными представляются и рассуждения о грядущей смерти этнических культур Севера, в частности, из-за потери этнических языков (р. 95). Впрочем, в рамках алармистской этнографии такого рода риторика вполне уместна.

Существенно отличным по подходу к представлению первичных материалов выглядит очерк «Этнологическая реальность. Кай Доннер и материальная культура» И. Лехтинен (р. 103–125). В этом очерке ясно видна рука человека, прекрасно знакомого со спецификой музейной работы. Сколько всего предметов Доннер передал в Национальный музей Финляндии, сколько из них селькупских, сколько хантыйских, ненецких и т.д., как именно распределяются эти предметы тематически (очевидно преобладание предметов из области религиозной жизни, их 77, и одежды и украшений – их 55). Не случаен и отбор частей этой коллекции для более подробного представления их в очерке: это именно предметы одежды и сакральные предметы. Безусловно интересными для читателей будут и размышления Лехтинен о том, насколько можно рассматривать сборы Доннера в качестве системных. Сама автор, кажется, не стала отчетливо выражать свою позицию на сей счет, но материал, приводимый ею, ясно свидетельствует о том, что для Доннера эти сборы были лишь малой, отнюдь не основной частью работы, что собирал он почти исключительно «настоящие», т.е. старинные или используемые в быту аутентичные (с его точки зрения) вещи, и что собирал он (за исключением селькупов) практически только предметы одежды... Этот взгляд на живые культуры сквозь «этнографические очки», которые не позволяли этнографам фотографировать женщину в

традиционной одежде на фоне легкового автомобиля последней марки или рыбаков, достающих рыбу из «традиционной» мордушки на фоне проезжающего мимо современного катера с мотором Yamaha, и не позволяли замечать людей такими, какие они есть «на самом деле», долгие десятилетия был стигмой многих национальных этнографических традиций.

Завершается книга очерком Петера Сандберга, в котором сделана попытка посмотреть на Доннера как на фотографа (р. 127–149). Автор отмечает, что фотография была далеко не самым важным делом с точки зрения Доннера. Об этом можно судить хотя бы по составленному им самим списку необходимого экспедиционного оборудования. В нем фонограф Эдисона, разумеется, идет на первом месте, а обе фотокамеры, которые ученый брал с собой, далеко внизу, вслед за антропометрическими и хирургическими инструментами (р. 143–144). Сандберг детально разбирает технические характеристики фотоаппаратов и показывает, как снимки зависели от этих характеристик и от собственно условий, в которых Доннер вынужден был вести фотосъемку (или порой и вовсе отказываться от нее). Сложность работе с коллекциями фотоматериалов Доннера добавляет то, что фотографии, негативы, порой фотографии вместе с негативами передавались на хранение от случая к случаю. Часть материалов плохо атрибутирована. Как результат, можно лишь приблизительно оценить общее количество этих материалов: по оценкам Сандберга, число негативов превышает 500 единиц (р. 148–149).

Остается лишь добавить, что книга снабжена подробнейшей библиографией работ Кая Доннера (сост. Ю. Янхунен, р. 151–161), полным указателем всех объектов и артефактов, привезенных этим исследователем из Сибири и хранящихся ныне в Музее культур (это отдел Национального музея Финляндии) (сост. И. Лехтинен, р. 161–167), кратким очерком процесса реставрации фотографий (П. Сандберг, р. 168–171) и указателем личных имен.

В целом работа редакторов и всех авторов книги заслуживает самой высокой оценки. Лучший вариант чествования столетия со дня завершения сибирской эпопеи Кая Доннера, наверное, трудно представить. Монография «Кай Доннер. Лингвист, этнограф, фотограф» будет полезна и исследователям сибирских языков и культур, и историкам науки, и, не сомневаюсь, вызовет живой интерес у самой широкой читательской аудитории.

Примечания

¹ В книге Майерс был назван антропологом (р. 41), но все же он более известен как врач и психолог, специалист по экспериментальной и индустриальной психологии, основатель Британского психологического общества и Национального института индустриальной психологии, хотя, действительно, участвовал в нескольких этнографиче-

ских экспедициях (в частности, работал на Борнео) и даже профессионально занимался исследованием этнической музыки.

² Именно с немецкого (штутгартского) издания 1926 г. был сделан перевод этой книги на русский язык, вышедший не так давно в Томске (Доннер 2008).

Д.А. Функ

Московский государственный университет,
Томский государственный университет

Литература

Доннер К. У самоедов в Сибири / Пер. с нем. А.В. Байдак. Томск: Ветер, 2008. 176 с.

Функ Д.А. Причеть (сыгыт) у бачатских телеутов // Расы и народы / Отв. ред. З.П. Соколова, Д.А. Функ. М.: Наука, 2002. С. 243–269.

Функ Д.А. Миры шаманов и сказителей (комплексное исследование телеутских и шорских материалов). М.: Наука, 2005. 398 с.

Рецензия поступила в редакцию 16.02.2015 г.

Funk Dmitriy A., Moscow State University (Moscow, Russia), Tomsk State University (Tomsk, Russia)

Kai Donner: Linguist, ethnographer, photographer. Donner Joakim & Juha Janhunen (eds.), Peter Sandberg (photo ed.). Helsinki: Société Finno-Ougrienne, National Board of Antiquities, 2014. 175 p. (Travaux ethnographiques de la Société Finno-Ougrienne 21).

DOI 10.17223/2312461X/7/7

References

Donner K. *U samoedov v Sibiri* [Among the Samoyed in Siberia], Transl. from German by A.V. Baidak. Tomsk: Veter, 2008. 176 p.

Funk D.A. Prichet' (sygyt) u bachatskikh teleutov [Sygyt of Bachatsky Teleuts], *Rasy i narody* [Races and peoples]. Eds. Z.P. Sokolova, D.A. Funk. Moscow: Nauka, 2002, pp. 243–269.

Funk D.A. *Miry shamanov i skazitelei (kompleksnoe issledovanie teleutskikh i shorskikh materialov)* [The worlds of shamans and storytellers (a comprehensive study of Teleut and Shor materials)]. Moscow: Nauka, 2005. 398 p.